

ПЕРСОНА

— Валерий, вас не смущает, что примерно половина публикаций о вашем с Татьяной Васильевой спектакле озаглавлена не иначе как "Гаркалин бежал по сцене с голй задницей"?

— Что ж, каждому свое. Любому человек видит только то, что хочет видеть. Но все-таки некоторые, я думаю, хоть одним-то глазком поглядывают на то, что мы предлагаем. Мы же показываем не только голую задницу. Есть еще и мысль какая-то. Почему все же она возникла? Уверю вас, не потому, что я такой эксгибиционист. Если умный зритель это поймет, значит, наша задача выполнена. А кому ничего, кроме голой задницы, в голову не приходит — тут уже и мы не поможем.

— И все-таки. Утром открываете газету. А там... Эмоции из разряда положительных?

— Испытываешь чувство стыда и неловкости. Но только за тех, кому это пришло в голову.

— А морду кому-нибудь не хочется набить?

— Иногда хочется. Вот недавно в одном городе какой-то фотограф ужасно некрасивый поступок совершил. Он снял нас со вспышкой. Именно ту сцену, где мы с Татьяной обнажаемся. И на следующий день мы увидели себя во всех позах. В "желтых", конечно, газетах. Наши агенты потом пытались его найти. Но безуспешно.

— А чего обижаться-то? Сами же вышли на сцену голыми — вот и получите.

— Не-е-т. Это совсем другая история. Вы же не видите нас на сцене голыми. Так, что-то мелькает. А он со вспышкой. И получается — я во всей красе, абсолютно обнаженный. Нет, он совершил подлость. Я же ему права не давал себя снимать. Не позировал. Тем более он не стал снимать мое лицо крупным планом, он снял другую часть тела. Я еще могу спокойно к этому отнестись. Но у меня же есть жена, дочка. Теща, которая и принесла эту газету.

— В тех же самых газетах всюю раскручивают историю о вашем якобы романе с Татьяной Васильевой?

— Вот видите: моя жена, Татьяна Васильева (указывает на соседний столик). Сделайте выводы.

— Но вы и сами как-то подогрели интерес к обсуждению ваших с Васильевой отношений. Сказали, дословно: "с Татьяной у нас мог быть роман. Но мы вовремя остановились..."

— Конечно, как и в любых отношениях, — главное, вовремя остановиться. Кто-то ведь должен оказаться умнее. Как только переходить границу, за которой начинаются отношения половых партнеров, кончается любая работа.

— Только из-за этого?

— Только. Есть такое выражение: "Как только признаешься человеку в любви, в эту секунду ты его теряешь". Это действительно так. Я не люблю распада. Любовь — это конфликт, а конфликт разрушает. Таня — не просто одна из партнерш по какому-то спектаклю. Таня — одна из выдающихся актрис современности, клоунесса. Потерять это ради какой-то минутной радости...

— Если вернуться к антрепризе. Которая, как известно, штука сугубо коммерческая. Может, голая задница в качестве приманки зрителя — не такая уж плохая идея. Но чувство неловкости вам знакомо?

— Профессия актерская соткана из очень зыбких вещей, и чувство стыда занимает в ней одно из первейших мест! Это вообще изначально стыдливая профессия — быть не самим собой. За других не скажу, но мне за любую работу может быть стыдно. Даже за ту, которая принесла колоссальный успех. Вопрос в том, как побороть этот стыд.

— За что конкретно?

— Все что угодно: неудачно сказанная фраза, неправильная интонация, глупость какая-то. Стыд иногда набирает такую мощь. А иногда притупляется. И ты нагнешь, в конце концов идешь во все тяжкие и о стыде уже не задумываешься.

— Неужели за столько лет вы еще не заматерели?

— Когда это случится, вы со мной уже не станете разговаривать.

— Но со стороны вы не производите впечатление человека раннего. Например, уход из конкретного, но малоходкого Театра сатиры в довольно абстрактную, но прибыльную антрепризу — это же сугубо практический шаг. Правда?

— Да нет. Там ситуация была более приземленная. Деньги-то я получал, и работая в театре кукол Образцова. По тем временам 170 рублей в месяц — у кого еще из артистов была такая ставка? Так что вкус денег к тому времени я уже знал.

— Так из-за чего же? С новым руководством театра не сошлись?

— Ни в коем случае. Почти два года как я не работаю в Театре сатиры, но заявление об уходе писал еще 4 года назад. Плечик тогда был жив и еще руководил театром. Другое дело, что ушел я именно при Ширвиндте. Нет, речь здесь не идет о каком-то конфликте или о деньгах. Речь идет о свободе. Театр — это употребление тебя по назначению. Ты — винтик, должен выполнять свою функцию. Поэтому прибегаешь к штампам, которые и используешь из спектакля в спектакль. Зритель требует, требует, требует... Театр сатиры — значит, надо смеяться! Какую утуть свобода? Я однажды слышал слова Пиночета, обращенные к чилийцам: "Вам дали свободу, а что с ней делать, никто вам не объяснил". Так же и с нами, с артистами. Которые могут вдруг обрести свободу, но что с ней делать, они не знают. А я знаю. И когда все узнают, многие академические театры со своими государственными дотациями потеряют всякий смысл.

— Определенный статус, который дает актеру служба в гостеатре, вас не прельщает?

— Театр-дом — это как раз порождение советского сознания. Я никогда не мог понять, что это значит: любить дом. Как можно любить дом? Можно любить женщину, можно любить помидоры... Кушать (смеется.) Но любить дом, стены... Я никогда не испытываю подобных чувств. Привыкнуть можно, любить — нет. Любить можно только живое. Что смотрит, видит, чувствует. Так же, как и ты. А если ты будешь любить стены, подъезд, лестницу, не дай бог, значит, с тобой что-то не в порядке. Я привык любить то, что делаю на сцене. А где я это делаю, в каких стенах, в каком городе — для меня значения не имеет.

— То есть такие понятия, как "честь театра", "честь страны", — это не про вас?

— А как можно любить родину? То есть имеется некая территория, на которой ты родился. Действительно: какие-то связи

В этом году Валерий и Екатерина отметили серебряную свадьбу.

Ему ничто не давалось просто так. Экзаменационные комиссии театральных вузов упорно не хотели замечать в нем каких бы то ни было способностей. Драматическим актером он стал лишь в 34 года, с трудом вырвавшись из-за ширмы кукловода театра Сергея Образцова. А известность пришла, когда актеру было уже за сорок. Однако сейчас Кроликов из "Ширли-Мырли", он же актер Валерий Гаркалин, упущенное наверстал с лихвой. На его антрепризные спектакли народ сегодня ходит просто валом. После одного из таких, в городе Анапе, мы и встретились. Накануне Гаркалин со своей постоянной партнершей актрисой Татьяной Васильевой представляли здесь немного шокирующий и предельно открытый спектакль "Все... Все... Все!". Зритель не часто видит, как популярный актер на сцене обнажается в буквальном смысле слова догола, а любимая всеми актриса — всего лишь до исподнего. Но у Гаркалина есть на это свое объяснение.

существуют. Но они не носят эмоционального характера. Они носят характер факта. Ты родился в 1954 году, в городе Москве. И что, теперь я должен это любить? Нет, любить я должен не 1954 год, а свою маму, которая родила меня в этом году. Есть разница? Мне кажется, люди, которые не чувствуют эту разницу, они-то как раз и говорят: "Как же ты мог так поступить? Бросить театр!" Но я же никому не навязываю своего пути. Как у Кастанеды: "Выбирая дорогу в жизни, помни, что она одна из тысячи". Вот я выбрал тот путь, к которому лежит сердце. Может, он ни к чему и не приведет. Но я хочу быть счастливым человеком не в конце пути, а в процессе. Результат меня волнует меньше. Вот я выбрал тогда "Ширли-Мырли", и что: я должен лукавить, говорить: "Вы знаете, это фильм так себе, ниже пояса". Да с этим фильмом я побывал в каждом доме. Какую популярность он мне принес. Широкайшую! В любом городе меня встречают как родного. Сейчас же люди простые: подходят и хлопают по плечу.

— К этому вы и стремитесь?

— Конечно. А что притворяться? Если кто-то говорит, что устает от популярности, — не верьте. Вот такая профессия. Стыдная, я же говорю. Как у Пастернака: "Быть известным — некрасиво". Но все равно приятно.

— Несколько лет назад вы говорили, что не имеете ни дачи, ни машины. С тех пор что изменилось?

— Нет, у меня по-прежнему нет ни дачи, ни машины. Просто я не испытываю желания все это иметь. Я могу снять любую дачу, если надо — поймаю такси. Живу я в центре, все театры, где работаю, — рядом. Проехать одну станцию метро...

— Вы пользуетесь метро?

— Каждый день.

— Неужели и там популярность вам не доставляет неудобств?

— Ну, бывают, конечно, невоспитанные люди. Тычут пальцем. "О, Кроликов". Я не хочу сказать, что я воспитан. Но, будучи еще молодым человеком, когда я в метро видел известно-

БРАТЕЦ КРОЛИКОВ

Валерий Гаркалин: "Актер как хирург — он не может быть романтиком"

"О, Кроликов!" Кадр из фильма "Ширли-Мырли".

го артиста, мне хотелось провалиться сквозь землю. Так было неудобно, что я на него смотрю. Пытался убрать взгляд, боролся с собой. Мне казалось, стыдно так смотреть на человека, и я знал, как ему неловко.

— Со своей женой Екатериной вы недавно отметили серебряную свадьбу...

— Ой... было.

— Оглядываясь на 25 лет назад: это было "так давно" или "так недавно"?

— Здесь некая двойственность. То есть, с одной стороны, я знаю, что мы уже очень давно живем. А с другой стороны — так не хочется в это верить. Потому что действительно — как будто только вчера познакомилась. Тут я не оригинален. Мне кажется, что мне все время 25, а тут вдруг — 50. Невольно подумаешь: что-то в этом мире не так.

— Да, здесь вы не оригинальны. Но я знаю, что у вас очень оригинальная история знакомства. Похожа на выдуманную. Уж больно по-актерски звучит: увидел в зрительном зале девушку...

— Так оно и было. Пустой зрительный зал, она сидела одна, больше не на кого было обратить внимание. (Хохочет.)

— Вот это звучит более реально...

— Да, был прогон спектакля, я читал монолог Грея, как сейчас помню. Вот эту бодягу, что "...когда-нибудь мелькнет алый парус, и ты увидишь... рано или поздно..." Как там дальше? Не помню... Смотрю: сидит женщина.

Молодая. С красивыми глазами. И плачет. Думаю: вот идиотка. Верит в какую-то ерунду. А потом все как полагается: слово за слово...

— Может, она в вас принца увидела, а вы говорите, что все это ерунда.

— Нет, я не хотел показаться циником. Как у Пушкина: "Над вымыслом слезами обольюсь". В этом-то и смысл. Потому что в реальной жизни, кроме ожидания собственной смерти, больше ничего и нет. Она мерзопакостная.

— Какой-то вы романтичный циник... Примеряете на себя разные маски?

— Нет, просто и тому и другому есть место. Моя профессия очень конкретная. Она состоит из крови, из пота, из грязи... Надо балансировать. И без здорового цинизма здесь не обойтись. Актер, как хирург, — он же не может быть романтиком. Скажет: надо резать — все.

— А чтобы прожить с женой 25 лет, надо быть циником?

— В определенной степени, конечно. Не циником, но очень иронично смотреть на многие вещи в супружеской жизни.

— Значит, романтике в вашей семейной жизни уже места нет?

— А что? Я счастлив в браке. Физиологически удовлетворен. Живу полноценной сексуальной да и какой хотите жизнью.

— Что-то не похоже на обычно ветреных актеров.

— А я не могу сказать, что человек ветреный — неверный. Это не одно и то же. Ветренность, по-моему, очень хорошее качество. Быть легким, ветреным — это же хорошо.

— Вы такой?

— Не думаю. Но мне такие люди нравятся. Сам по себе факт значения не имеет. Значение имеет только трогательное к нему отношение. А если мы его вырабатываем, то и факт найдется.

— Вы с Екатериной когда-нибудь были на грани разрыва?

— Нет... Скажу честно, нет. У нас и ссор-то серьезных не было.

— А такое разве бывает?

— Бывает. Вы знаете, я сейчас руковожу курсом в ГИТИСе. Там много молодых девочек. Замечательных, прекрасных. И иногда действительно маховик в голове начинает работать. Понимаешь, что ты стареешь. Что-то тебе уже не будет принадлежать. Как сказал однажды Армен Борисович Джигарханян: "Ведь кто-то будет это делать. Вместо тебя". Ну, думаю, и слава богу. Значит, кому-то повезет. Если я займусь этим, то только этим я и буду заниматься. Часто замечал: выходит артист на сцену, я на него только посмотрю и уже все про него знаю. Что он сегодня ел на завтрак, с каким настроением он встал, что ему сказала жена. Все, что угодно, могу дофантазировать. И в этом процесс душевного стриптиза актера. А

Position №1: Татьяна Васильева и Валерий Гаркалин в спектакле "Все... Все... Все!"

многие об этом забывают, думают: можно скрыться. Нет, не скроешься. Все-е-е видно.

— Екатерина все время с вами путешествует по антрепризам, городам?

— Часто.

— Ее устраивает роль эдакого вечного оруженосца?

— Катя — очень простой и ясный человек и ни во что не играет. Она не актриса — вот что ее делает лучше в моих глазах. В нашей семье играю только я.

— Доводилось слышать, что многие актеры, абстрактно говоря, не знают, что такое деньги и как они тратятся. Оставляя решение бытовых вопросов своим женам. И находят для себя в этом некий жизненный комфорт. У вас в семье так же?

— Да, бюджетом занимается Катя. Это так. Но в сутках всего 24 часа. Было бы 26 — может, я и занялся бы.

— Это не делает из вас большого ребенка? А из Екатерины — подобие вашей мамы?

— А мужчина и выбирает себе в жены, не в любовницы, а именно в жены, женщину, которая напоминает ему маму. Невоспитанно. Чтобы было к кому пригреться, прислониться, чтобы кто-то пожалел тебя. Это есть.

— А для своей дочери вы хотели бы какого жениха?

— А она нашла уже. У нас уже эта проблема есть.

— Проблема?

— Ну, нам кажется, она выбрала недостойного... Хотя мы сейчас меняем это убеждение. Тем более в наше время так трудно определить: кто есть кто... Вообще, он симпатичный парень, мне он очень нравится. Интересный, самобытный.

— Нике всего 20. В чьи руки отдаете?

— Он музыкант. Вот это меня истораживает. Наверное, потому, что я сам когда-то закончил Гнесинское училище. Но важно, чтобы она испытывала к нему чувство, чтобы ей было хорошо. А с кем она будет счастлива, значения не имеет. Мы не должны влиять на ее выбор.

— Но все-таки вляпал?

— Пытались. Первое время мы пытались ее переубедить. Но знаете, чем все это заканчивается. Только обидами. Решили больше не вмешиваться.

Дмитрий МЕЛЬМАН.